

ИЗ ПОЕЗДКИ К «САГАЙЦАМ»

Опубликовано: Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – Вып. IV. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С.61-65

Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы организовал в 1946 г. этнографическую экспедицию по изучению хакасов. Работа по экспедиции рассчитана на ряд лет.

Одной из ее основных задач является изучение проблемы этногенеза хакасов. До Великой Октябрьской социалистической революции хакасы не представляли собой единого целого в этническом отношении. Они распались на ряд племенных групп (качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы, бельтиры), каждая из которых в свою очередь представляла собой довольно сложный конгломерат. Однако в дореволюционной литературе группы этих племен фигурировали под объединенным названием, например, минусинские, или абаканские татары (иногда вместо татар — тюрки). В 1930 г. эти племена были объединены сначала в Хакасский национальный округ, а позднее — в автономную область. С этого времени среди них идет процесс консолидации в единую национальность, протекающий в исключительно благоприятных условиях, созданных национальной политикой Советского государства.

Проблема этногенеза хакасов до сего времени не только не была разрешена, но и не была должным образом поставлена. Едва ли нужно говорить, какое большое значение имеет изучение этой проблемы для истории хакасов. Оно поможет разрешить и некоторые вопросы происхождения ряда народов и даже групп народов СССР, связанных в той или иной степени в своем историческом прошлом с территорией и древней культурой Саяно-Алтайского нагорья. Важная роль этого нагорья в процессе этногенеза ряда тюркских, монгольских, угрофинских и других народов не подлежит сомнению.

Кроме изучения проблемы этногенеза, экспедиция ставит еще одну крупную задачу: на основании этнографического изучения составить научное описание современного состояния культуры и быта отдельных районов Хакасии. Важной задачей экспедиции является выяснение культурных связей хакасов с соседями и, в первую очередь, с русским народом как в условиях дореволюционной России, так и в настоящее время. Культурное влияние русского народа на хакасские племена еще не было предметом научного изучения даже в советское время. Обычно русское влияние неправильно отождествлялось только с целями и приемами колониальной политики царизма, а исключительно высокая роль русского народа, прогрессивно влиявшего на народы Сибири с их отсталой культурой (в том числе и на хакасов), оставалась невыясненной. Неизвестным оставался также имевший иногда место процесс обратного влияния, т.е. влияния местной национальной культуры на культуру русского трудового населения. Этот пробел прошлого этнографического изучения и должна восполнить Хакасская этнографическая экспедиция.

Наряду с перечисленными задачами в программе работ экспедиции намечено изучение старинных форм быта, ранних форм социальных и семейных отношений, материальной культуры, религиозных верований. Эти пережитки старины, как правило, уже исчезли из быта хакасов и сохранились только в памяти старшего поколения. Зафиксировать, изучить и сохранить их для науки также входит в задачи экспедиции.

Экспедиция приступила к работе летом 1946 г. в составе научных сотрудников Хакасского научно-исследовательского института: П.И.Каралькина, Ю.А.Шибяевой, А.Н.Липского, В.И.Доможакова и автора настоящих строк (руководителя экспедиции) и работала в течение августа — октября в бассейне р. Теи (левый приток Абакана), в районе средоточия так называемых «сагайцев». Племя «сагайцев» доньше оставалось совершенно не изученным. Экспедиция поставила своей целью самое широкое этнографическое

изучение и описание этого племени.

Выяснилось, что «сагайцы» сами себя так не называют и даже отрицают этот термин в качестве названия племени. Они поясняют, что это название закрепили за ними до революции по имени «Сагайской думы», в административное ведение которой они входили. Выяснение этногенеза «сагайцев», особенно путем изучения наименований родов (сеоков), дало интересный материал, подтвержденный и антропологическими исследованиями А.Н.Липского. Оказалось, что подавляющее большинство названий сеоков, которые население еще хорошо помнит, а также многие черты культуры и быта «сагайцев» убедительно говорят об этническом единстве их с шорцами. В основе этнографической самобытности тех и других еще в недавнем прошлом лежал один и тот же хозяйственно-культурный комплекс, ведущее значение в котором занимала горно-таежная пешая охота. Единство родовых названий свидетельствует о происшедшем сравнительно недавно переселении части этих родовых групп преимущественно из бассейна р. Мрассы в бассейн Абакана, что подтверждается письменными историческими источниками. Поэтому я избегаю применять название «сагайцы» и заменяю его пока термином «южные хакасы».

Обширный материал собран экспедицией по материальной культуре. Кроме описания оригинальной техники горно-таежной пешей охоты, производимой в зимнее время на лыжах, с применением ручной нарты для перевозки охотничьего груза, кроме описания способов и приемов охоты на отдельных зверей, изучены организационные формы охоты. Собран ценный материал по коллективным формам охоты, в прошлом коллективному распределению добычи, развитому охотничьему религиозному ритуалу и специальному охотничьему языку. Изучен не только дореволюционный, но и современный быт охотников. Этот материал рисует южных хакасов как коренных охотников-звероловов, носителей древней охотничьей культуры, сохраняющих черты этой культуры до сего времени. Подробно изучались и другие формы хозяйства, ныне преобладающие: земледелие с огородничеством и скотоводство.

Ознакомившись с современной техникой колхозного производства — земледелия и скотоводства, экспедиция получила данные и по дореволюционному земледелию и скотоводству, что дает возможность сделать сопоставления и выводы. Есть все основания утверждать, что скотоводство южных хакасов в своей основе было русского крестьянского типа, т. е. стойловое. Здесь не доили кобылиц, овец и коз, не изготовляли молочных продуктов, типичных для кочевников (кумыс), «е совершали настоящих перекочевок со скотом. Вместе с тем южными хакасами были усвоены и некоторые приемы скотоводства от соседних качинцев, в прошлом настоящих скотоводов-кочевников. Для земледелия большое значение имеют выявленные экспедицией архаические элементы техники (ручная обработка пашни, употребление ручной деревянной мельницы и ступы и т.п.), свидетельствующие о существовании в прошлом у южных хакасов первобытного горно-таежного мотыжного земледелия, характерного для шорцев. Такое же значение имеют и материалы по культу, связанному с земледельческим процессом, характеризующие перенесение охотничьего религиозного культа на область плужного земледелия.

Кроме основных производств, изучались и подробно описаны подсобные промыслы. Из них до сего времени сохраняют существенное значение сбор кедрового ореха и «пчелование», т. е. отыскивание диких пчел в горной тайге с целью собирания меда. Зафиксировано собирание съедобных корней и стеблей дикорастущих растений.

В питании южных хакасов еще в недалеком прошлом едва ли не основную роль играло собирание диких съедобных растений. Только колхозный строй внес коренное изменение в жизнь южных хакасов, заменив их старые ненадежные источники питания более разнообразными и продуктивными.

Общественные отношения у южных хакасов характеризуются обычными чертами нашего государственного и общественного строя. В этом смысле экспедиция зафиксировала закономерные и общеизвестные в нашей стране явления. Но при изучении общественных отношений, господствовавших накануне Октябрьской революции, экспедиция собрала

совершенно новый материал. Он впервые дает возможность научного определения дореволюционных общественных отношений у южных хакасов. Известно, что в старой литературе «сагайцы» обычно относились к племенам, находившимся на стадии родового строя. Это неверное, антинаучное представление опровергается результатами работы экспедиции. Родовые, первобытно-общинные отношения были отмечены здесь только в виде слабо сохранившихся пережитков. Отношения по производству давно сложились здесь, как отношения эксплуататорские. Нам удалось выявить не только торгово-ростовщическую эксплуатацию южных хакасов своими баями-торговцами, но и широко распространенную у них систему отработок. Удалось установить различные категории баев, что отразилось в языке путем выработки специальной терминологии, выявить эксплуататорскую роль прежней местной администрации (так называемых «родовых князей»). В процессе работы над этими вопросами была открыта оригинальная патриархально-феодалная форма эксплуатации — наделение бедноты со стороны баев дойными коровами как бы «бесплатно», в порядке «благоденствия» только за прокорм и последующую, казалось бы небольшую, отработку. Эта скрытая форма эксплуатации, аналогичная обнаруженной мною у алтайцев системе «полыш» (буквально — помощь), выступала здесь под названием «сапис» (буквально — «дои и пей»).

Это не значит, что нами не найдено элементов родового быта у современных южных хакасов. Напротив, в этом отношении экспедиция собрала обильный материал, относящийся к области семейного быта и религиозных воззрений. Экспедицией подробно записана номенклатура родства, свидетельствующая о господстве в недалеком прошлом классификационной системы родства, обнаружены явления авункулата и левирата.

Обширные данные собрала экспедиция по религиозным воззрениям южных хакасов. Подавляющее большинство населения до Октябрьской революции официально числилось христианами, или «крещеными». На деле же южные хакасы усвоили только некоторые внешние обрядовые стороны христианства, сущности которого они не понимали. До настоящего времени это еще сказывается в их повседневном быту. Так, почти в каждом доме и юрте имеются иконы (в переднем углу, на божницах). Многие из взрослых, не говоря уже о стариках, крестятся при входе в чужой дом или юрту, перед едой и после еды. Однако эта внешняя религиозность не мешает им не замечать, что икона стоит, например, в перевернутом виде. Порой икона мирно уживается на божнице с картинками совсем не духовными (в одном случае я наблюдал, что на божнице стояли рядом с иконой картинка из журнала «Советские моды за 1945 г.»). Подлинный характер иконы некоторым хакасам настолько неясен, что вместо иконы можно встретить, как это мы наблюдали в с. Верхняя Тея, портрет молодой женщины, видимо купчихи, перед которым возжигают лампаду и молятся.

Несколько иначе обстоит дело с ранними формами религиозных воззрений южных хакасов, поддерживавшихся среди них шаманами, которые до 1930 г. выступали организаторами и служителями шаманского культа. В настоящее время шаманы представляют собой довольно редкое явление, деятельность их сводится к тайному лечению больных при помощи обращения к различным «духам болезни» и мелких жертвоприношений им. Но примитивные религиозные представления бытуют еще, главным образом, среди старшего поколения. Не чужды они и молодежи. Это выражается в системе различных поверий, примет, запретов (например, после захода солнца почти невозможно что-либо получить, купить, принести из другого дома), зарегистрированных экспедицией. Примитивные религиозные представления проявляются особенно, как это мы наблюдали, в обрядовом погребении и в устройстве многочисленных поминок, сводящихся к ритуальному кормлению покойника. Этот ритуал распространялся и на воинов, погибших на поле брани в Великую Отечественную войну. Обычно как только приходило официальное извещение о смерти воина, его родственники ставили на улусном кладбище деревянный крест, но могильный холм при этом не насыпали. Затем устраивали на этом месте поминки в положенные дни, ведя счет их от даты смерти покойного, указанной в официальном

извещении¹.¹ Нам приходилось неоднократно быть на поминках (в верхнем течении р. Теи). Большая часть колхозников того селения, где устраивались поминки, два дня не выходила на работу — в самую горячую пору уборки и обработки урожая и сдачи его государству, когда дорог буквально каждый час,— и проводила эти дни на поминках, где не столько «угощала покойника», сколько угощалась сама.

В настоящее время у южных хакасов уже не устраивают общественных молений горам, столь характерных для них еще в начале нашего века. Однако моления эти еще настолько живы в памяти старшего поколения, что экспедиции удалось подробно описать их со слов участников. Экспедиция зафиксировала много новых, не отмеченных еще в литературе моментов в этих молениях. Особенно интересны моления «таг-таих» — родовым горам, весьма поверхностно описанные в старой литературе. Мы выявили родовой характер этих молений и описали их отдельно для каждого сеока (сеоки: Карга, Кобый, Сор, Саиын и т. д.), установив места этих молений и восстановив план расположения ритуальных сооружений, предметов, а также участников молений. Помимо большого интереса, который представляют эти описания для установления родového характера культа, для их генезиса, они дали материал- и к вопросу этногенеза южных хакасов. Выяснилось, что каждый из сеоков молился своей родовой горе, называя и чувствуя ее, прося у нее всякого благополучия для членов своего рода. Замечательно то обстоятельство, что у большинства так называемых «сагайских» сеоков родовые горы находятся в Шории, в бассейне р. Мрассы или Кондомы (у сеока Карга, например, г. Каратаг, у сеока Сор — Мустаг и т. д.). Поэтому у некоторых сеоков (сеок Кобый) моление родовой горе производили два шамана, сменяя друг друга. Это мотивировалось дальностью пути к родовой горе, что было не под силу одному шаману. Полное описание родовых молений по сеокам дает материал для решения вопроса об этнической тождественности южных хакасских и шорских сеоков не только по их названию, но и по другим признакам. Я сошлюсь в этой связи на недавно опубликованную мною работу, в которой удалось показать, что почитание родовых гор у шорцев, тубаларов и других племен является отражением общинной родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию². Следовательно, сеоки Южной Хакассии и Шории в прошлом в большинстве своем жили вместе, имели общую территорию и общие родовые горы, расположенные в Шории.

Большую ценность имеют материалы по характеристике и других древних родовых культов, например, по культу огня, культу медведя, по индивидуальным молениям охотников, по поверьям и приметам. Удалось получить также интересные данные по типам шаманского бубна, его символике, семантике его рисунков.

Таким образом, в значительной своей части записи по религиозным воззрениям у южных хакасов представляют собой уникальный материал, значение которого выходит за рамки саяно-алтайской этнографии и который представляет интерес для советской науки о первобытном обществе.

Эти краткие данные о работе нашей экспедиции в 1946 г. позволяют считать, что организация этнографической экспедиции в Хакассию может вполне оправдать возлагаемые на нее надежды.

¹ Поминки устраивают обычно на 1-й, 7-й, 20-й и 40-й день, а затем через полгода и через год.

² Л.П.Потапов. Культ, гор на Алтае. «Советская этнография». 1946. № 2.